

Православие

Он – священник новой формации: без традиционной величавости и пафоса – напротив, во взгляде кротость, в разговоре – искренность и открытость. Говорю: если бы писала образ Христа, у него были бы ваши глаза. Владыка смеётся: «Это опасные слова – путь к гордыне». Именно епископ Магнитогорский и Верхнеуральский инициировал проект, в котором светский журналист берёт интервью у священнослужителей, раскрывая их человеческие качества, приближая служителей церкви к пастве. А с кого начать, как не с самого епископа Зосимы? Тем более есть повод: вчера ему исполнилось 46 лет.

– Много лет назад в Магнитогорск приезжал актёр Владимир Вдовиченков, только что снявшийся в фильме о священнослужителях – а съёмки проходили в действующем монастыре, – и делился впечатлениями о жизни церковников: та же армия – устав, беспрекословное послушание...

– Пожалуй, соглашусь: священнослужитель действительно принимает задания сверхстоящих со смирением.

– А можно определить, какому воинскому званию соответствует чин епископа?

– В Петровской «табели о рангах» это определяли официально. Пётр Первый в рамках церковной реформы упразднил патриаршество – Россия вступила в синодальный период. Над Святейшим синодом был поставлен светский чиновник – обер-прокурор. Существует исторический анекдот о том, что в XIX веке Николай Протасов, получив это звание, сказал своему другу Черину: «Я – министр, я – архиерей, я – чёрт знает что!» Митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), узнав об этом, едко заметил: «Справедливо только последнее» (*улыбается*). Так вот, в «табели о рангах» было чёткое соответствие чинов военных, светских и духовных, и, если перенести её в современные реалии, мой чин равен армейскому званию генерал-лейтенанта.

– Правильно ли думаю, что жизнь священнослужителя довольно узконаправленна: молитвы, общение с паствой, чтение книг, но точно – не светские новости, музыка...

– Новости действительно стараюсь слушать поменьше, а в культуре, напротив, люблю разнообразие: литература, кинематограф, музыка – меня это как минимум утешает, а как максимум – наиздаёт.

– Честно, не встречала ни одного школьника, который в сочинении на тему «Кем я хочу стать» написал бы: «Священником». В церковь каждого ведёт собственный, почти всегда сложный путь. Ваш начался рано: с 15 лет в Омском духовном училище. С детства шли к религии?

– Нет, некий божественный призыв ощутил в 14 лет. Бог воздействует на нас простыми вещами, у меня это было открытие в 1990-м Омского духовного училища. За полтора года до этого бабушка отвела меня креститься, родители ещё были некрещёными. Не атеистами – скорее, равнодушными, как многие в их поколении. Узнав об открытии училища, захотел узнать о религии больше. После посещения храма, общения с его служителями ощутил, что, возможно, это и есть мой путь, и – да, мне хочется его пройти. С тех пор чувство лишь углублялось. Несмотря на то, что не всё в моей жизни было гладко, до сей поры уверен, что выбрал верную стезю, близкую моему сердцу.

Неисповедимые пути его преосвященства

Как Максима Анатольевича Балина его помнят разве что в родном Омске, а в Магнитогорске вряд ли кто знает. Зато как епископа Зосиму – каждый

Ю. Дмитрий Рухмалёв

– 1990-й: СССР нет уже, России нет ещё, страну накрыли криминал и пошлость. И тут вы – житель Омска с божественным призывом. Из какой вы среды, что услышали этот призыв?

– Из обычной, но интеллигентной. Моя мама – врач-педиатр, папа – преподаватель физкультуры, не чуждый поэзии и музыке. Но помимо семьи в то время детей, в том числе меня, воспитывала улица. Контингент моего двора был, скажем так, разным. Но, каким бы ни был подросток, если у него есть искренний интерес, увлечения, это притягивает, хочется познакомиться поближе с тем, чего сам не знаешь.

У нас был большой зелёный двор, по вечерам, собираясь в нём, ребята с интересом расспрашивали меня о духовном училище, молитвах, церковной жизни

Многие после таких разговоров приходили в храм – не истово бить поклоны, но и не похулиганить. Скорее – познакомиться с тем, что пока не изведано.

– Что привело вас к решению сделать цикл интервью, «очеловечивающих» священников?

– Наверное, желание разрушить стену, старательно воздвигаемую прессой и некоторыми священнослужителями между духовенством и паствой. Мне хочется показать, что священник – обычный человек, может, даже ваш сосед по

следует божественным ритуалам. Но... Тысячелетия у людей была потребность не терять связующей нити с высшим началом с помощью религиозных практик. Вавилон, Шумеры, Древний Египет, Древнегреческая цивилизация, Древнеримская, византийское православие, параллельно развивался буддизм, чуть позже появился ислам – везде есть система религиозных практик, будь то поклон, кручение ступы, каждение ладана, пост... И если многие века людям это было важно, почему за какие-то сто лет мы стали считать, что ритуалы не нужны? Повторяем, как мантру, что «Бог в душе», «необязательно ходить в храм»... Может, мы зачерствели и перестали понимать смысл этих ритуалов? Мне порой грустно, что торжественные красивые, светлые церковные службы уходят из жизни многих людей, отчего жизнь эта, на мой взгляд, становится более плоской, пресной. И – заполняется информационными потоками. Недаром говорят, что информационный поток – новая религия, если хотите, замена молитве. И вместо того, чтобы человеку умиротворять себя, он этими бесконечными и не всегда позитивными раздражителями щечечет свои нервы. Даже я порой вынужден сказать себе «стоп», когда, открыв гаджет с целью посмотреть церковные новости, сталкиваюсь в интернете с назойливой рекламой или контентом, на который можно впустую потратить драгоценное время.

«Подводя итог: есть вечный хлеб – и есть попкорн: модный, вкусный, с разными наполнителями. Что выбирать? Решать каждому»

– Смею полагать, светское образование историка в Омском пединституте вам нужно было для подкрепления духовных знаний исторической реальностью – так называемый объёмный взгляд на религию...

– Не только, ещё стремление к новым знаниям, умениям и навыкам. Кроме того, светский диплом позволяет мне работать преподавателем в университете, в данный момент – дистанционно.

– До Омского пединститута была Московская семинария, а после диплома историка – семинария Томская. Зачем?

– После духовного училища я поступил в Московскую семинарию, отучившись три года, ушёл в монастырь, ещё через год поступил в «гражданский» вуз и, окончив его, вернулся в семинарию Томска, получив через три года диплом духовной семинарии.

– Могли ли вы назвать разрыв в высшем духовном образовании сомнениями в правильности выбранного церковного пути?

– Я не терял себя: поступил всё-таки не в технический, а в гуманитарный вуз, это был планомерный процесс наращивания знаний и расширения кругозора. Сомнения можно предположить – нечто из рубрики: только глупец не боится. Безусловно, ответственность служения, в котором есть не только благодатные моменты, но и скорб-

ные, вызывала поначалу сомнения. Но сомнения не в существовании Бога, а в собственной готовности к несению этого непростого послушания. Хотя апостол Иаков и говорит: «...сомневающийся... да не думает получить что-нибудь от Господа», и мы стараемся не радоваться сомнениям, но они всё же иногда посещают, и я не исключение.

– Мне трудно смириться с церковью в том, что такие светлые люди, как монашествующие священники, должны отказаться от семьи, хотя кто, как не они, могут воспитать достойных людей...

– Большинство православного духовенства – женатые батюшки с большими семьями. Что до монашествующих... Есть естественное состояние человека: мужчина и женщина, которых сотворил Господь, благословив плодиться и размножаться, и это прекрасно. Есть сверхъестественное состояние – когда человек сознательно уходит от семьи, стараясь наполнить душу высокодуховным содержанием и жертвенным служением Богу. Так вот, чтобы что-то принять, нужно, говоря светским языком, чем-то пожертвовать.

– В душе вы больше Зосима или Максим Анатольевич?

– В последнее время чаще всего ко мне обращаются «владыка» или, если уж совсем официально, – «ваше преосвященство». Когда приезжаю на свою малую родину в Омск и встречаю людей, с которыми рос и учился, ко мне обращаются по-мирскому – Максим, меня это не коробит. Студенты Омского педагогического университета, где я преподаю на кафедре философии, называют по имени-отчеству – Максимом Анатольевичем. Но сам себя считаю монахом Зосимой. Между прочим, имя Зосима, данное мне при монашеском постриге, в переводе с греческого означает «жизненный», и это добавляет оптимизма в жизни (*улыбается*).

– Как удалось «генерал-лейтенанту от церкви» сохранить столь кроткий светлый взгляд? Или глаза – всего лишь глаза, а про отражение души – это миф?

– Как удалось? – наверное, стараюсь не отрывать от земли, не ходить всё время в «скафандре» и быть открытым для людей.

– Насколько объёмен ваш «скафандр»: музыкальные, другие мирские предпочтения?..

– Из музыкальных интересов, кроме христианской духовной музыки разных традиций, могу иногда поностальгировать, слушая зарубежную и отечественную музыку преимущественно рок-направления. Если перечислять все коллективы и исполнителей, которые, выражаясь молодёжным сленгом, мне «заходят», список получится слишком длинным. Занимаюсь физкультурой, правда, не знаю, стоит ли её относить к мирским предпочтениям: для меня это поддержание телесного здоровья, что особенно важно в условиях современной гиподинамии, ну и неплохое «средство от уныния».

– У меня остался только один вопрос: как вам служится в Магнитогорске? Приезд сюда – это ведь было ваше назначение?

– Правильно будет сказать не «назначение», а «послужание». Знаете, мне довелось служить в разных регионах нашей страны, но родным всегда оставался Омск, где я родился и вырос. Так вот, через пару месяцев после приезда в Магнитку она стала такой же комфортной и родной, как Омск. Красивый город, прекрасные отношения с руководителями города и комбината, понимающими, что вместе делаем одно хорошее дело. А главное – здесь живут замечательные люди.

✍ Рита Давлетшина